

Текст · 8 июня 2020, 07:03

Полина Глухова,

«Окей, это рана, но не мешает рожать детей». Первое в России уголовное дело о женском обрезании

В гостях у папы

В июне 2019 года житель Ингушетии позвал в гости своих дочь и сына, живущих после расставания родителей в Грозном вместе с матерью. Новая жена отца отвела девятилетнюю падчерицу и свою родную восьмилетнюю дочь в детский лечебно-диагностический центр «Айболит» в Магасе. Как [рассказывала](#) мать пострадавшего ребенка, сначала операцию сделали младшей девочке. Старшую гинеколог Изаня Нальгиева, по словам матери, [запугивала](#): говорила, что та умрет, если не сделает «прививку». Эту версию событий, изложенную в интервью^[1] нескольким СМИ матерью школьницы, подтвердила «Медиазоне» ее старшая сестра. Мачеха и врач силой уложили девочку на операционный стол. Затем, как установило следствие, Нальгиева сделала ей надрез на капюшоне клитора. После операции отец дал дочери 500 рублей и отправил их с братом в Грозный на маршрутке.

Существует [несколько видов](#) женского обрезания: от полного удаления гениталий и сшивания больших половых губ до неглубоких проколов в области клитора. Последствиями операции могут

стать боли, хронические инфекции, осложнения родов и даже смерть. Как говорится в [докладе](#) правозащитного проекта «Правовая инициатива», ежегодно на Северном Кавказе калечащим операциям подвергаются как минимум 1 240 девочек. По словам автора этого исследования Саиды Сиражудиновой, в Ингушетии, в отличие от Дагестана, ритуальная практика не популярна. Исключение представляют закрытые сообщества — такие, как клан баталхаджинцев (белхороевцев). Так в республике называют последователей религиозного деятеля Батала-хаджи Белхороева, живущих изолированной общиной. По словам сестры пострадавшей девочки и адвоката Елены Мисаловой, представляющей ее интересы, отец ребенка принадлежит к братству баталхаджинцев.

На допросе у следователя мужчина говорил, что дочь отвели в клинику для «мусульманского ритуала обрезание». Как рассказала мать ребенка, на вопрос, зачем он это сделал, бывший муж ответил: «Чтобы не возбуждалась».

Мать, узнав о случившемся в Магасе, в тот же день отвела дочку к врачу. Грозненский хирург осмотрел ребенка и обнаружил рану с ровными краями размером 6×5 миллиметров глубиной 0,2 миллиметра «с переходом на верхнюю часть малых половых губ», сказано в акте^[2] судебно-медицинской экспертизы.

«Состояние после ритуального обрезания», — констатировал врач.

После этого женщина подала заявление в управление Следственного комитета по Чечне.

Экспертиза. Легкий вред

СК назначил судебно-медицинскую экспертизу. Следователи поставили перед экспертами четыре вопроса: правильно ли выбрана методика «вмешательства»; какие повреждения она причинила; повреждена ли детородная функция; какова тяжесть нанесенного вреда?

Трое специалистов — глава Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы Махмуд Чумаков, судмедэксперт А. Дудаев и детский гинеколог Казимат Магоматова — квалифицировали повреждение как кратковременное, то есть длившееся от шести дней до 21 дня, расстройство. Они отметили, что ребенок не лишился «детородных функций», угрозы для жизни пострадавшей не было. При этом эксперты подчеркнули, что выбранная «методика» не соответствует стандартам Минздрава и показаний для операции не было.

Из Чечни материалы проверки отправили в управление СК по Ингушетии, в Назрановский межрайонный следственный отдел. Там следователи решили дополнить экспертизу еще двумя вопросами: «могут ли быть нарушены функции деятельности прооперированного органа, если да, то каков вред здоровья причинен» и «имелась ли угроза для здоровья» ребенка.

Эксперт Баркинхоева Р.^[3] добавила к своим ответам справку о ритуальном женском обрезании. «В России

нет отдельного закона против обрезания девочек. Эта практика нацелена на контроль сексуальности женщин, ее поведение в плане сохранения девственности до брака и целомудренного образа жизни впоследствии», — написала эксперт. По данным Баркинхоевой, в Ингушетии «наиболее часто практикуется операция в виде имитации или насечки на клиторе, целью которой является кровопускание». Она согласилась с коллегами из Чечни и оценила вред, нанесенный здоровью девочки, как легкий.

«Согласно представленной карте пациента при проведении ритуального обряда (женское обрезание) выбран наиболее "щадящий" метод в виде насечки на капюшоне клитора. Маловероятно, что данный вид вмешательства придет к нарушениям функции прооперированного органа», — отметила эксперт. По ее мнению, риск инфекции был «сведен к минимуму», так как операцию проводили в условиях медицинского учреждения.

На основании выводов теперь уже четверых экспертов управление Следственного комитета по Ингушетии возбудило уголовное дело об умышленном причинении легкого вреда здоровью (часть 1 статьи 115 УК). Возможное наказание по этой статье — штраф до 40 тысяч рублей, обязательные или исправительные работы, арест на срок до четырех месяцев.

«Практики в России нет». Что собираются делать правозащитники

Старший юрист «Правовой инициативы» Татьяна Саввина считает, что следователи не провели еще как

минимум две необходимых в этом случае экспертизы: психологическую и психолого-сексологическую.

«В объяснениях мамы, у девочки травма — она боится и врачей, и поликлиник. Все, что она прожила, не могло не оставить вред для психологического здоровья», — отмечает правозащитница. Кроме того, добавляет Саввина, нужна экспертиза, оценивающая, как операция повлияла на чувствительность клитора. «Сохранена ли чувствительность вообще? У органа же есть и сексуальная функция», — объясняет она.

В «Правовой инициативе» несогласны с тем, что следователи квалифицировали последствия калечащей операции как легкий вред здоровью. «Они посмотрели: "Окей, это рана, но не мешает рожать детей". И все. Исходя из этого оценили как легкий вред», — подчеркивает Саввина.

СК давно завершил расследование дела. Еще в декабре 2019 года материалы передали мировому судье судебного участка №15 в Магасе. В мае в дело вошла адвокат «Правовой инициативы» Елена Мисалова, которая взялась представлять интересы пострадавшей. Пока адвокат не успела ознакомиться со всеми документами, а рассмотрение дела приостановили из-за эпидемии коронавируса. По словам Татьяны Саввиной, защитница намерена просить о возвращении дела на дорасследование для дополнительных экспертиз.

Правозащитники настаивают, что проведение калечащей операции нужно квалифицировать как преступление, совершенное группой лиц — руководством клиники, хирургом, отцом девочки и

его женой, которая привела ребенка на обрезание. «По инициативе отца и мачехи была сделана операция, но следователи не сочли их соучастниками. Хотя есть заказчик и исполнитель», — рассуждает Саввина.

«Для нас это первое дело, и практики в России нет. Я не скажу, что есть какой-то план, только общее видение», — добавляет она. Возможно, рассуждает юристка, в действиях отца-баталхаджинца и врача, которая, по данным правозащитников, принадлежит к той же общине, есть признаки возбуждения ненависти либо вражды по признаку пола (статья 282 УК), возможно, калечащую операцию стоит рассматривать как насильственные действия сексуального характера (статья 132 УК). «Статья подразумевает насильственные действия — когда лицо не желает их и когда используется беспомощное состояние. Подразумевается любое контактное действие с половыми органами. Когда вставляют любые инородные тела. Например, ручку или бутылку. Это не всегда связывается с удовлетворением сексуальных потребностей. Может быть из мести или других [побуждений]. Для статьи это не важно», — говорит сотрудница «Правовой инициативы».

Пока защита потерпевшей намерена добиться возбуждения уголовного дела об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности (статья 238 УК). Проверка Росздравнадзора по Ингушетии в июне 2019 года выявила^[4] нарушения в действиях гинеколога Изани Нальгиевой. Как установили в ведомстве, Нальгиева, отметив в своих записях «припухлость в области наружных

половых органов и болезненность в области клитора», не провела необходимые анализы, а добровольное согласие на платную операцию не было подписано законным представителем ребенка. В последние пять лет гинеколог не проходила повышение квалификации. Таким образом, действия врача не соответствует установленным Минздравом стандартам медицинской помощи, то есть нарушают федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан», сказано в документе.

Доктор Нальгиева

Единственная обвиняемая по делу — Изаня Нальгиева — сейчас находится под подпиской о невыезде.

Детским и подростковым гинекологом Нальгиева работает уже 15 лет, рассказала она на одном из допросов в СК. В договоре об оказании услуг с центром «Айболит» ее должность указана иначе — медсестра стоматологического кабинета; обвиняемая объяснила это «технической ошибкой». В центре «Айболит» доктор Нальгиева принимала только по субботам. Как утверждала врач, во время осмотра она обнаружила у девятилетней девочки «припухлость и болезненность» в области гениталий и синехии-^[5] половых губ. Женщина, представившаяся матерью девочки, принесла договор с согласием на оказание услуг, и Нальгиева провела операцию — сделала надрезы справа и слева «параклиторальной зоны» и разъединила синехии, вспоминала гинеколог.

При этом на предыдущих допросах врач уверяла, что ребенка на прием привел отец, а никаких заболеваний

у пациентки не было. «Процедура обрезания женских органов проводится у мусульман по религиозным соображениям. В данном случае не было процедуры обрезания, а лишь надсечение кожи в области клитора», — цитировал следователь Нальгиеву в протоколе ее первого допроса. Впоследствии врач списала эти слова на усталость и «шоковое состояние». «Я ошибочно указала, что проведен ритуал обрезания "надсечка кожи в области клитора"», — заверила она, уточнив, что ритуальное обрезание проводится лишь мужчинам.

Как рассказала сестра пострадавшей девочки, когда мать пришла в клинику, чтобы разобраться в случившемся, главным врачом представился некто Беслан Матиев. Он убеждал женщину, что документ о согласии на операцию и медицинскую карту «ищут», а потом признался, что их нет. Согласно протоколу допроса, на самом деле Матиев работает в центре педиатром, а генеральный директор «Айболита» — его жена Марета Матиева.

Так или иначе, Матиев уверял следователей, что в клинике не проводят калечащих операций. Однако в веб-архиве сохранилась страница со списком услуг медцентра за 2016 год. В разделе «гинекология» есть пункт «обрезание», стоимость операции — 2 тысячи рублей.

Wayback Machine		71 captures
17 Jul 2016 - 28 Sep 2019		200%
5.04	Внутрисуставная инъекция лекарственных веществ	300р.
Гинекология		
6.00	Консультативный прием гинеколога (взрослый)	800р.
6.01	Консультативный прием гинеколога, диагностика, назначение лечения (детский)	700р.
6.10	Операции:	
6.11	Введение внутриматочных спиралей	2000р.
6.12	Удаление спирали	500р.
6.13	Тотальные синехии	1500р.
6.14	Синехии частичные	1000р.
6.15	Обрезание	2000р.
6.20	Лечебные процедуры:	
6.21	Гинекологический массаж (1 процедура)	150р.
6.22	Ванночки с лекарственными препаратами, тампоны	150р.
6.23	Забор мазка	150р.
6.24	Мазок на микрофлору	250р.

Скриншот списка услуг медцентра «Айболит» за 2016 год, найденный в кэше

У центра «Айболит» есть официальный [аккаунт](#) в инстаграме. Сестра пострадавшей девочки, узнав о случившемся, отправила туда личное сообщение с вопросом, сколько стоит женское обрезание и кто его делает. Ей ответили, что операцию проводит Изаня Нальгиева.

Вчера 11:34 ПП

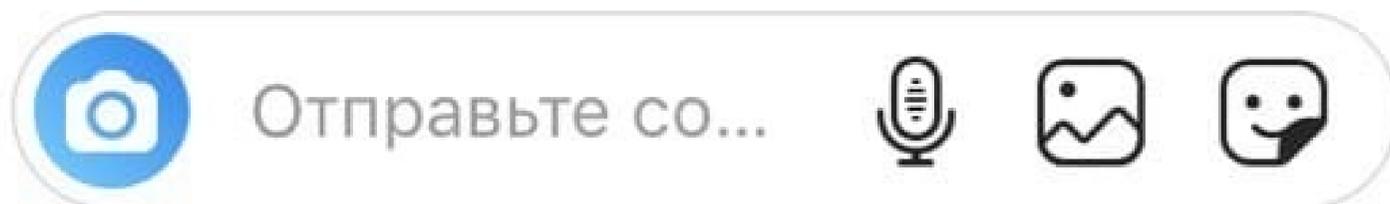
Здравствуйте!
Расскажите пожалуйста
про женское обрезание.
Кто у вас его делает?
Сколько стоит?

8:38 ДП

Делает Нальгиева Изаня,
детский гинеколог.
2000Р.

А Вы понимаете, что это
незаконно? У Вас
лицензия есть вообще?

Скриншот переписки сестры пострадавшей девочки с медцентром «Айболит» в 2019 году

Региональное управление Росздравнадзора провело проверку клиники еще год назад. В мае, после новостей о расследовании уголовного дела, Центр защиты пострадавших от домашнего насилия при Консорциуме женских НПО обратился^[6] к руководителю федерального Росздравнадзора Алле Самойловой с просьбой приостановить действие лицензий центра «Айболит» и подать в суд иск к организации.

«Что сделал Росздравнадзор, пока что непонятно. Может, у нас не все материалы есть, а может быть, ничего и не было сделано. По идее, они должны были обратиться в суд для привлечения к ответственности. Не знаю, что они сделали. У нас нет такой информации», — говорит «Медиазоне» юрист Татьяна Саввина.

Исследовательница Саида Сиражудинова констатирует, что с момента публикации первого доклада «Правовой инициативы» о практике женского обрезания на Кавказе в 2016 году государство не предприняло никаких мер для ее искоренения. По мнению автора доклада, кроме принятия закона, запрещающего калечащие операции, власти должны заняться профилактикой — поддерживать женские НКО, ввести просвещение в школах и роддомах. При этом «самое главное» в борьбе с женским обрезанием — это позиция религиозных деятелей, уверена она.

— В настоящий момент ни врачи, ни жители республики не видят в этой практике ничего криминального, а видят лишь легкий вред, на

который они имеют право. Даже обязательство, на которое они имеют право, — отмечает Сиражудинова.

Правозащитница предлагает обратиться к международной практике. Так, в 2019 году в Великобритании уроженку Уганды приговорили к 11 годам лишения свободы за проведение обрезания своей трехлетней дочери.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Под разными вымышленными именами.
2. Есть в распоряжении «Медиазоны».
3. Информации о ней в открытых источниках найти не удалось.
4. Акт проверки есть в распоряжении «Медиазоны».
5. Синехии — сращение малых половых губ, перекрывающее вход во влагалище или уретру.
6. Копия письма есть в распоряжении «Медиазоны».